

«Л ИТЕРАТУРА — всегда школа благородства и науки любить. Литература и любовь делают человека человеком... Книги пробуждают в нас предчувствие любви. Оно не менее сильно, чем сама любовь, и не менее прекрасно. Человек рождается с предчувствием, жадной любви...»

Мне кажется закономерным то, что слова эти принадлежат Николаю Доризо, художнику, в творчестве которого на протяжении десятилетий значительно и проникновенно звучит тема любви. Только он мог несколько лет назад провозгласить: «Вкладывайте деньги в воспоминания, вкладывайте деньги в чудеса. Помню, летел я к тебе на сви-

прежде всего звенья — это то, из чего составляется целое: как из дней составляются месяцы и годы, а годы один за другим складываются в полотна человеческих судеб. Цельностью отмечена книга, цельность прослеживается и в творчестве Доризо.

Не побоюсь высказать и такое суждение: книжка эта, к моменту выхода закономерно ожидаемая любителями поэзии, утвердившая идейно-эстетические позиции известного автора, послужила и его творческой заявкой на будущее — за главными темами сборника, как за руслом большой реки, видится чистый неиссякаемый источник, а за опубликованными стихами — еще ненаписанные строки.

У поэтических сборников судь-

мым, что творчество последних лет, отраженное в этих книгах, утвердило авторитет Н. Доризо как поэта широкого тематического диапазона, одного из ведущих наших лириков, сохранившего драгоценное качество свежести чувства и оригинальности мышления.

Доризо из тех поэтов, кто всегда в работе. Для него творчество — не только стихи, бывает, что они не пишутся, и тогда, считает он, нужно обратиться к прозе, драматургии, критике, публицистике. Писатель не имеет права бездействовать, находится в состоянии идиллически настроенного наблюдателя, не должен ждать, когда нахлынет волна вдохновения.

Проза поэтов... Вспоминается

нии поэта, но должны как бы набраться сил, окрепнуть, найти свое решение и усовершенствоваться прежде, чем явиться к читателю. «Стихи годами ждут своих мгновений... Не раз и сам автор ссылался на свои ненаписанные стихи. И действительно, сколько жизненных впечатлений нужно впитать в себя, чтобы написанное тобой являло собой читателю философское прочтение жизни, всегда несло мысль, парадокс...»

Нет поэта без умения удивляться, поражаться обыденному. Обыденное и парадоксальное... Вчитываясь в стихи Н. Доризо, видишь, что они идут рядом, наполняя нашу повседневную жизнь. И автор словно говорит: смотри, запомнишь, давай поразмышляем вместе — вот они, контрасты: жизнь и смерть, радость и грусть, порядок и хаос, дружба и вражда, высокое и низменное. «Если б мир был тождествен по сходству, было бы бесцветным бытие».

Если б не было печали,
Счастья мы б не замечали...
Потерял я сто империй —
Сто надежд, и тем не менее,
Может быть, мои потери —
Главное приобретение!

Полнокровное ощущение жизни рождается лишь с умением говорить на равных с природой, а это бывает только при условии, если относиться к ней с сыновней заботой, если всегда стремиться постичь и бережно воспринять ее уроки. Не раз и не два коснется Н. Доризо этой темы — почтительного отношения к природе-матушке, которая «учит доброте людей»...

Поэт выводит свою формулу проблемы «Природа и наше время»:

В дни элентрона и металла
Как чудо каждое растение.
В наш век любовь к природе
Истинным самосохраненьем.

Критика не раз обращалась к драматическим произведениям Н. Доризо. Многие из них посвящены исторической теме. Интерес поэта к Александру Ульянову, Емельяну Пугачеву, Наталье Гончаровой понятен — их судьбы будут волновать все новые и новые поколения людей, и прежде всего художников, осваивающих накопленный исторический опыт. К этим произведениям Н. Доризо вплотную примыкают такие его стихи, как «Баллада о короле», «Монолог Генриха IV», «Меншиков», «Баллада о вечном узнике», «Молчание Пушкина». Побоюсь сказать, что в его творчестве они стоят особняком, однако хочу обратить на них внимание читателя и посетовать на то, что критика не обратила на них внимания, хотя именно здесь можно сказать: все точки мира сходятся в стихе...

Ник. ГОРБАЧЕВ

Государство любви не знает границ...

О поэзии
Николая
ДОРИЗО

дание из Ростова в Москву лишь два часа».

Сильные, отмеченные яркой индивидуальностью поэты, как мощные разноименные электрические заряды, могут испытывать влекущие силы взаимного притяжения. Однажды в статье о творчестве Расула Гамзатова, напомнив о его стихах про государство любви, Николай Доризо с товарищеской непосредственностью воскликнул: «Дорогой Расул, возьми меня в твое государство любви как одного из своих верноподданных!». Что ж, так к поэту мог обратиться только поэт. Тот, за которым стоит земля, где гоже властвует любовь человеческая. Таков и материк поэзии Доризо. Они близки, они соседствуют, эти государства, и нет между ними границ.

Подумалось обо всем этом при чтении одного из наиболее заметных поэтических сборников последних лет — «Звенья» (издательство «Советский писатель», 1982). Для творчества Доризо он показателен и в определенной степени является этапным.

«Звенья» — что за этим названием? Звенья жизни? Памяти? Времени? Пожалуй, именно так, тем более что по отсчету на поэтической шкале эти понятия близки, родственны. Но

бы особые. Далеко не каждый становится этапным в творческой биографии автора. Сегодня, когда книг (в том числе и поэтических) выпускается куда больше, чем двадцать, тем более тридцать лет назад, в быстринной, полноводной реке по имени Поэзия сложнее и ориентироваться, и совсем не без причин в некоторой растерянности находится и читатель, и все чаще слышится вопрос: что с современной поэзией, почему с прилавков магазинов расходуется далеко не вся продукция поэтического цеха, не от снижения ли требовательности к ней? И надолго ли замерло до того времени бывшее очень ярким пламя общественного интереса к стихам?

Но ведь ведущие мастера своего умения не утратили, книги их расхвываются с не меньшей быстротой, чем прежде. Среди этих мастеров, чье творчество непременно в центре читательского внимания, — Николай Доризо. Но при значительном и постоянном интересе к его творчеству читатель да и сам автор, как я полагаю, должны все же выделить из его сборников последнего времени два, а именно уже названный — «Звенья» и более ранний — «Пока деревья ест на свете».

Мне представляется неоспори-

одно из выступлений Н. Доризо, где он, в частности, размышлял об этом довольно распространенном нынче литературном явлении. «В лучших своих образцах, — отмечал он, — проза поэта выразительно экономна. Ведь ничего так не учит емкости, как стихи. Я бы назвал емкостью не только дисциплиной таланта, но и его целомудрием».

Поэзия же особенно не терпит длиннот, рыхлости, и закономерно, что в народной памяти остаются сжатые, мускулистые стихи, где каждое слово несет высочайшую смысловую и эстетическую нагрузку.

Значит, таково требование времени? В этом и видимое противоречие: растущий стихотворный поток как некий результат возросшей грамотности и усвоенной стихотворной техники, внимание журналов к большему, эпическим произведениям — на их страницах часто появляются поэмы. А поэтов мы помним по строчкам! Но все же требование времени — не к тому или иному жанру а к качеству, и конкретно — именно к емкости строки, да и всего произведения...

Есть стихи написанные, они плод мысли или настроения, а есть выстраданные. За легкостью их восприятия может стоять долгое и трудное рождение: они уже значатся в созна-